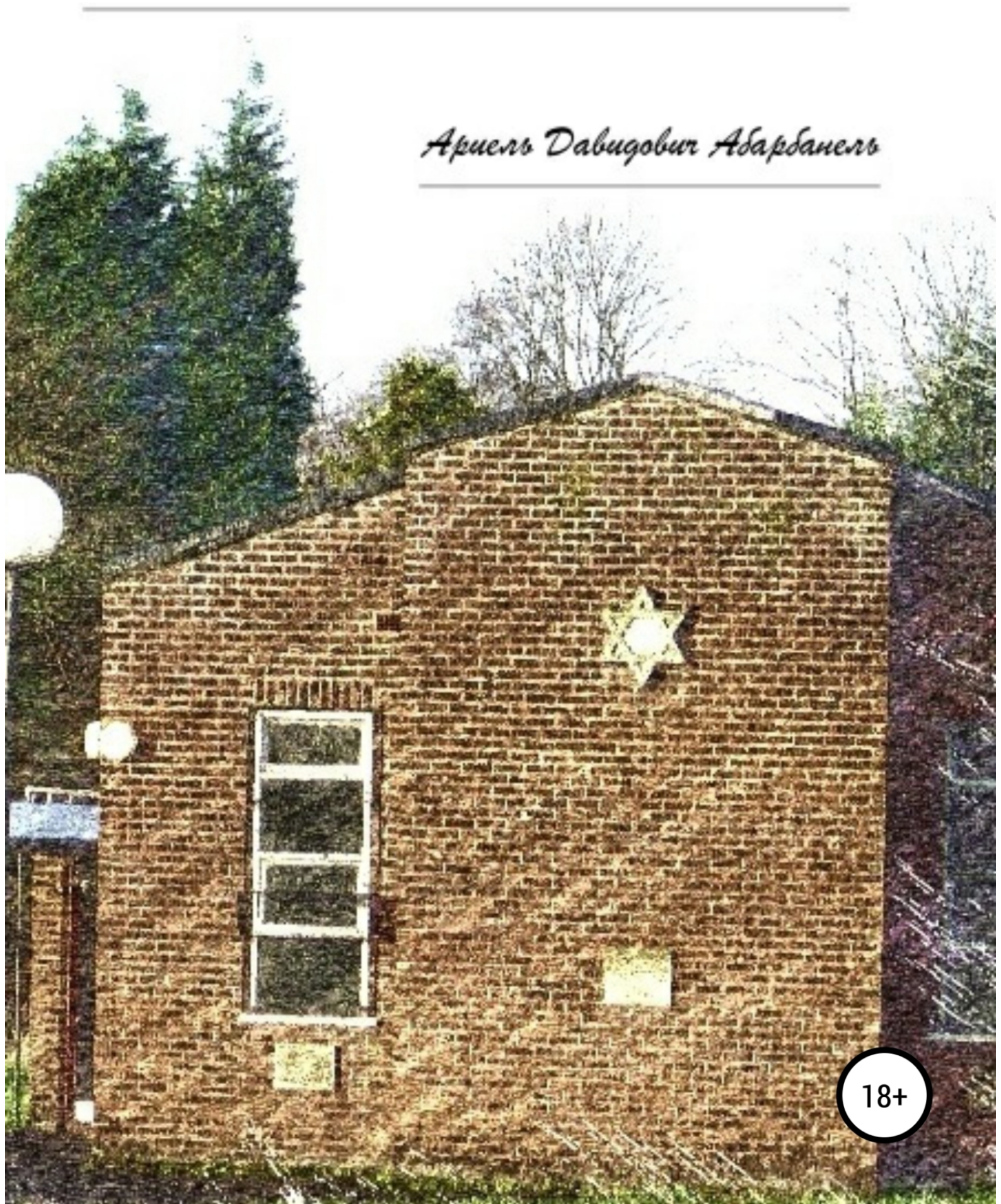


# Манчестерский дневник

---

*Аршель Давидович Абарбанель*

---



18+

Ариель Абарбанель  
**Манчестерский дневник**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

**Абарбанель А. Д.**

Манчестерский дневник / А. Д. Абарбанель — «ЛитРес:  
Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98859-0

Повествование ведёт некий Леви — уроженец г. Ленинграда, проживающий в еврейском гетто Антверпена. У шамеша синагоги «Ван ден Нест» Леви спрашивает о возможности остановиться на «пару дней» у семьи его новоявленного зятя, чтобы поближе познакомиться с жизнью английских евреев. Гуляя по улицам Манчестера «еврейского» и Манчестера «светского», в его памяти и воображении всплывают воспоминания, связанные с Ленинским районом города Ленинграда, на одной из улиц которого в квартирах домов скрывается отдельный, особенный роман, зачастую переполненный болью и безнадёжностью.

ISBN 978-5-532-98859-0

© Абарбанель А. Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

## Содержание

Вступление	5
08 февраля 2005 Поездка в Манчестер	7
Школа 268	8
Воскресенье 6 Февраля. Манчестер	9
Серёжа Кундер	11
7 Февраля. Манчестер	13
Миша Буров	16
8 Февраля 2005. Манчестер	18
Валера Люстик	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# Ариель Абарбанель

## Манчестерский дневник

### Вступление

Толстые шины маленького детского велосипеда шуршат по потрескавшемуся асфальту улицы Курляндской. Скорее всего, начался апрель месяц – солнышко уже не только светит, но и приятно пригревает. Почерневший снег заиндевелыми кучами лежит вдоль широкого тротуара, потихоньку испаряясь и тая. Приятная холодная свежесть проникает через ноздри и рот в лёгкие, радостно кружится голова. Жёлтые дома сверху, слева и справа надвигаются на мальчика, а велосипедик с толстыми шинами неумолимо несёт его вперёд, в сторону давным давно засыпанной песком и землёй реки Таракановки. Мальчишка смело крутит педали и велосипедик с изображением мишки на втулке рамы несёт его навстречу раскрывшему свои объятия будущему. У него ловко получается держать равновесие на оставшихся двух колёсах, несмотря на то, что два других, вспомогательных, демонтировали только несколько минут назад. Ребёнок катится и держится в седле так, словно он с этим велосипедиком вместе родился.

Раннее утро. Это, возможно, начало питерского лета – ранние восходы на светлом, не знающем в данную пору заката солнца, небе. Так называемые “Белые ночи”. Стрелки часов движутся куда-то к четырём часам утра, но мальчику уже не спится. Он смотрит в окно на бело-голубое небо с нежными розовыми мазками на его фоне, мазками пастели от пробуждающегося солнца. Мальчику не спится, и его переполняет тёплый незнакомый восторг и чувство глубокого счастья: в коридоре стоит его новенький велосипедик “Орлёнок”, мама ещё вчера купила его, наконец-то, накопив для его покупки большую для зарплаты инженера сумму. Рама у велосипеда тёмно-голубого цвета, а крылья – никелированные, отражающие в себе, как в зеркале, траву, машины- всё окружающее. Мальчик, тихонько одевшись и прокравшись в коридор, чтобы не разбудить спящих маму и бабушку, выносит свой новый велосипедик на лестничную площадку, вешает его на плечо, и лёгкой трусцой спускается с пятого этажа в свой двор-колодец. Там, оседлав железного конька по имени “Орлёнок”, он выкатывает его через пасмурные дворы, сдержанно улыбающиеся ему розоватым рассветом, на Курляндскую улицу, и несётся навстречу июньскому ветру, свежесть которого через нос и рот наполняет его лёгкие, радостно и задорно кружа голову. Этот головокружительный ветер соткан из запахов хранящегося солода на соседской фабрики имени Степана Разина, из ароматных составляющих парфюмерной фабрики, находящейся напротив Судостроительного техникума и от цветущих тополей, которыми в изобилии засажены все аллеи и улицы района.

\*\*\*\*\*

Сильный ветер врывается под куртку у горла и у рукавов, обнимая всё тело колючими мурашками. Леденящий ветер через нос и рот наполняет лёгкие и кружит голову. Мальчишка-подросток радостно и восторженно продолжает крутить педали, несмотря на достаточно крутой подъём моста имени Лейтенанта Шмидта. Новенький взрослый велосипед марки “Украина” сияет чёрной краской на раме, крыльях и, что особенно примечательно – двух багажниках, переднем и заднем. Подросший мальчишка ловко лавирует на этом своём коньке между других “коней”, достаточно опасных тяжеловесов- грузовиков и легкого транспорта. Если бы его мама видела, как он один между машинами вот так ездит по дороге! Она бы сразу и полностью покрылась сединой, а сына закрыла бы под замок, пока он сам не состарился и

мирно не поседел. Все мальчики, да и все дети, когда-то доставляют беспокойства и переживания своим заботливым любящим матерям. Наверное, до конца жизни жителям проспекта Огородникова будет слышан нечеловеческий крик одной из матерей, не уследившей за своим мальчиком по имени Юра. Наверное, все матери будут стараться ещё внимательнее следить за своими чадами, мальчиками и девочками. Тогда этот пятилетний мальчик Юра остался жив, но рукав его пиджака навсегда остался пустым, бесхозно и сиротливо засунутый в карман. Вагоновожатая, видя эту детскую руку, лежащую на рельсах, наверняка уволилась со своей работы и никогда больше не села в кабину трамвая.

– Однорукий, однорукий, – обзывал в отместку на обиду один мальчишка другого, отвечая на агрессию и злобу ребёнка-инвалида этим жестоким, необдуманном оскорблением, сожалея о нём потом всю свою жизнь, сожалея об этой своей несдержанности, об этих злых словах.

Спуск с моста был лёгким, и восторженный, подросший мальчишка не оглядывался вокруг и даже не думал об окружающих его железных дымящихся монстрах. Чёрно-глянцевый, теперь уже полноправно взрослый, велосипед с двумя багажниками нёс его вперёд и вперёд, как он думал, в светлое и безоблачное будущее. По обеим сторонам моста ёжилась северная Нева, наполняя и пронизывая выросшего ребёнка своим суровым дыханием.

## 08 февраля 2005 Поездка в Манчестер

Это было уже позавчера. Шамеш Центральной синагоги города Антверпена всё обещал и обещал Леви отправить его в Манчестер – Англию посмотреть, посмотреть на английских евреев и на их образ жизни. День поездки смещался каждый раз то одним, то другим обстоятельством: то нужный человек куда-то уехал, то внук у него вдруг родился и множество иных жизненных событий. После почти годовой “протяжки”, подошёл, по окончании утренней службы, к Леви шамеш по фамилии Безбородый и сообщил ему:

– Ну вот, теперь в феврале ты можешь ехать.

В дорогу собирались долго, очень долго. Вымеряли и перепроверяли маршрут, срок поездки. Наконец, решение было принято – ехать в Роттердам, в Европорт, оттуда на Гуль, а уже оттуда до Манчестера относительно и рукой подать. Всё удовольствие двести шесть евро и, приблизительно, пятьсот километров езды в оба конца.

## Школа 268

Ленинский район города Ленинграда, где из одной улицы можно перейти на другую и третью, используя лишь подворотни и проходные дворы. Недалеко от гостиницы «Советская» среди этих дворов есть большой прямоугольный двор, в котором размещено прямоугольное розовое здание с белыми колоннами. Это двести шестьдесят восьмая школа. В эту школу, в какой-то момент, совершенно своевольно перевели всех учеников школы номер двести семьдесят один, поскольку кому-то из Городского управления образования, видимо, понадобилось это симпатичное здание с удачным расположением. Целый год должен был ходить Леви в это “здание с удачным расположением” и отсиживать в нём уроки, на которых никто никого не учил и никто ни у кого не учился. Ученики курили в классе, играли в карты, ругали учителей, даже и чаще всего матерно, учителя плакали. После окончания уроков из здания невозможно было выйти не пройдя мимо великовозрастного недоучки, который, подобно охраннику, стоял у дверей и требовал со всех выходящих отдать мелочь – он тряс. Он тряс эту мелочь на последующую покупку выпивки и сигарет. Каждый такой выход из этой школы сопровождался или короткой дракой, или, в любом случае, испорченным настроением.

Леви был один. У него не было ни друзей, ни приятелей. Какие-то прохожие, фигуранты, окружали его. Леви с детских лет увлекался изучением языков и один из его одноклассников прознал об этом.

– Ты можешь, пожалуйста, перевести, что написано на этой пластинке? – спросил его одноклассник.

Леви перевёл. Потом этот юноша подходил ещё не раз, прося перевести тексты с различных заморских упаковок, тексты зарубежных песен. Они с ним тогда немного сблизились и после школы вместе возвращались домой. Этот одноклассник жил в доме на углу проспекта Огородникова по дороге в сторону левиного дома. Дойдя до этого тёмно-серого монументального здания, покрытого штукатуркой, подобной гусиной коже, один парень поднимался к себе в свою квартиру, другой же шёл дальше к себе домой. Звали того паренька не совсем по-русски – Серёжа Кундер.

## Воскресенье 6 Февраля. Манчестер

Билет заказан, вещи в сумку уложены, только вот сердце никак не уложить! Ни в чемодан, ни в сумку. Никак не хочет оно расставаться ни со своей семьёй, ни с домиком. Полежал Леви на диване и в одной позе, и в другой – а ехать надо. Вышел из дому раз, зашёл обратно. Ещё и ещё раз. Но вот он уже сидит за рулём автомобиля, машет всем прилипшим к окнам и стоящим на крыльце: поехали!

Светило солнышко. Погода стояла вовсе не февральская, а самая весенняя. Сегодня воскресенье. Пробок совсем нет. Вот уже, казалось, нескончаемый Харингсфлитбрюг через Виллимстад остался позади, а впереди ждёт зияющая пасть подземного дракона – Хаенорд тунеля. Окружная автомагистраль ведёт Леви сначала вокруг Роттердама, а потом вдоль бесконечных нефтеперерабатывающих предприятий и судоходной реки Маас. Номер какой же гавани был мне нужен?

– 5870. Значит, это сюда.

– Hallo! Ваш паспорт, пожалуйста, – кивает чиновник.

– Пожалуйста. Вот, паспорт. Вот карта Visa. Шторма нет на море? Нет? Вот и славненько. Тогда едем дальше.

– Hallo! Откройте, Ваш багажник, пожалуйста, – обращаются ко мне жандармы.

– Пожалуйста.

Жандармы, не найдя там двадцати или хотя бы хоть сколько-нибудь замороженных китайцев или индусов, с сожалением захлопывают крышку багажника и указывают дальше в сторону парохода.

Чтобы попасть в его чрево, надо въехать по невероятно крутому подъёму-горке, это чрево продолжает поглощать и поглощать движущийся поток машин, подобно жертвенными животным для хищного прожорливого дракона. Имя дракона-лайнера “Pryde of Rotterdam”.

Леви с машиной в утробе этого дракона, в грузовом трюме. Закрывает машину и шагает к стойке, где ему вручают “ключ” от каюты.

Стоя на нужной палубе, Леви открыл бумажным карточкой-ключом дверь. Вошёл внутрь. Два нижних места уже заняты более проворными сопассажирами. Ну что ж, наверху иметь место тоже неплохо. Устроился. Сопассажиры совсем неразговорчивы – один немец по имени Томас Шулер, учится, зачем-то, в Англии, а другой – неизвестно кто и откуда – так и не проронил ни слова за всю эту морскую поездку.

Волосы головы “другого” и хвостик его бороды были выкрашены в белый цвет, лицо украшено серёжками и пирсингами, он всё время спал, пока Леви бодрствовал, а о своём присутствии сообщал лишь исходящей от него вонью, декларировавшей любовь к алкоголю и табаку. Покинув этот маленький колоритный коллектив, Леви вышел из каюты и спустился на нижнюю палубу в просторный зал. Игровые автоматы шеренгами, как солдаты на параде, выстроились по обеим сторонам этого зала. Стояли ещё и другие закрытые чехлами, готовясь обстрелять и победить кого угодно, кто осмелится к ним подойти, пушки-столики-рулетки. Пароход-казино – справедливо заключил Леви и пошёл дальше, разглядывая и изучая внутренности и достопримечательности “Роттердамской гордости”. Чем дальше он двигался, тем меньше его окружало что-либо заслуживающее внимания: многочисленные столы, прогнутые под тяжестью разнокалиберных бутылок, полупьяные вальяжные лица, полулежащие на бортовых плюшевых диванах. В конце зала находились судовые магазины, забитые своеобразным оружием массового поражения и предметами скоротечных порочных удовольствий: табачной и алкогольной продукцией, стопками журналов с голозадами белозубыми красавицами на их обложках.

– Суета сует и погоня за ветром, – подумал Леви, – ветром в голове и в кошельке.

Он подошёл к большущему овальному окну иллюминатора. Бездонная темень молча глядела на него в ответ. Не видно и не слышно волн, не видно и не слышно звёзд и луны. Такова обычно ночь Северного моря. Леви постоял ещё мгновение перед этой пустой молчаливой великанской глазницей.

Постоял, шепча губами свои незатейливые просьбы – мольбы о благополучной поездке, о благословении, о добром отъезде и возвращении. Прошептал, сказал “Амень” и пошёл к себе на покой, в свою, на эту ночь, каюту 10218, железный замок которой открывался бумажным ключом.

На верхней левиной койке была табличка: “Пользуйтесь лестницей”.

Леви понадеялся на свой рост и “спортивность”, полез, но не сумел с первого раза одолеть подъёма, прыгнул обратно на пол, а потом, со второго раза, всё же одолев, перекатился на спину и облегчённо вздохнул:

– Ну вот, день иссяк.

В другой ситуации непросто было бы заснуть в такой сплошной железной коробке, неряшливо выкрашенной в больнично-белый цвет, подобный настоящему архаичному сейфу, но усталость дня, впечатления, семейные перипетии, переезды, так властно надавили на веки, что он почти сразу погрузился в глубокий морской сон, подобный последнему виду из иллюминатора – чёрному, непроглядному мессиву моря и неба, зловеще беззубому и безмолвному, и заснул. До завтра.

## Серёжа Кундер

– Тебе Сережа Кундер звонил.

– Да, мама. Давно о нём ничего не было слышно. А чего он хотел?

– Рассказал, что его выписали из психиатрической больницы, где он находился на обследовании и лечении. Там ему поставили диагноз «Шизофрения», и “выдали” вторую группу инвалидности.

Теперь вот ему не надо будет работать, как он и мечтал когда-то в детстве, печально подумал Леви.

– Что он хотел, мама?

– Ничего. Просто интересовался, где ты и, как у тебя дела.

– Надо зайти к нему.

– А надо ли?

Мама всегда берегла Леви от неблагоприятных, как ей казалось, знакомств. Совершенно справедливо. Но от всех сберечь всё же не сумела. Из всего класса той злополучной школы номер двести шестьдесят восемь, Сережа был, наверное, самым лучшим кандидатом в приятели, но и то только на фоне учеников этой школы. Он не хотел учиться и заниматься каким-нибудь трудом. В трёхкомнатной квартире вместе с ним жили бабушка, мать и брат. Брат долго маялся в поисках работы, но потом всё-таки пристроился инкассатором на Железной дороге. Женился, родил девочку и умер, в раннем для этой распространённой болезни желудка, возрасте. Серёжа остался один с матерью и бабушкой. С чёрного рынка он приносил редкие пластинки, ставил их на свой патефон, и на полной громкости с открытым окном слушал днями напролёт “космическую музыку” разных зарубежных исполнителей. Леви изредка заходил к нему, звал пройтись по городу:

– Пойдём, Серёга, чего дома сидеть? Смотри, во дворе погода какая чудная!

Серёга сначала собирался было прогуляться, надевал кроссовки, но в последний момент передумывал:

– Знаешь, давай в другой раз? Я сейчас музыку немного лучше послушаю.

Они не виделись уже очень давно, и вот, теперь это безрадостное сообщение. Леви приехал к маме из за границы, где он находился много лет. Мало чего радостного за это время произошло в Петербурге, в “их” районе – в основном вещи неутешительные и печальные. И не только в семье у Кундеров.

И тем не менее, навестить парня надо, не сказав вслух, чтоб не растраивать маму, подумал Леви.

Последний этаж глухой питерской парадной серого дома-колодца. Звонок в окрашенную суриком дверь:

– Кто там?

– Здравствуйте!

Дальше за дверью слышится оживление и прокуренный голос безошибочно называет точные левины данные вплоть до домашнего адреса и телефона. Потом дверь резко распахивается и легко узнаваемый Серёжа своей скороговоркой приглашает Леви внутрь:

– Как я рад! Как я рад! Заходи, заходи! Хочешь сигаретку покурить или музыку послушать, например “Электрик лайт оркестр” или “Будка суфлёра”?

На столе посередине комнаты высится гора из пачек дешёвых сигарет – Балтийских, Прима. В комнате сизо от дыма. Зубов у Серёжи почти не осталось, сигарету он курит одну

за другой. Волосы покрыты прокуренной жёлтой сединой, цвет кожи землистый, лицо одутловатое.

Лев и в такой музыке ничего не смыслит, и отвечает:

– Нет. Не надо, благодарю.

– Хочешь пластиночку на память взять?

Леви отрицательно кивает головой.

– Могу ли я что-то для вас сделать? Вот здесь у меня некоторые носильные, ещё добротные вещи, может они вам пригодятся?

Сергей охотно забирает мешок. Безразлично благодарит. В комнату на шум разговора старых приятелей входит постаревшая мать Сергея. Она ещё помнит и сразу узнаёт Леви.

– Ты не хотел бы купить нам овощей?

Леви не отказывается, и с выданным заботливо списочком и охотой идёт сначала в аптеку, а потом в продовольственную лавку. Когда возвращается с покупками, то мать Серёжи просит его снова повторить этот поход по закупкам. Леви снова не отказывается и вскоре возвращается вновь нагруженный пакетами. На третью попытку постаревшей, но ставшей более энергичной матери приятеля послать Леви в следующий заход по магазинам, Леви обращается к ним обоим::

– Мои дорогие! Очень рад, что мы увиделись, что я вам хоть немножко и чем-то смог помочь. Прошу меня извинить, меня сейчас ждут неотложные дела и люди, которым я также смогу, может быть, немножко быть полезен.

Молчаливое согласие, окрашенное лёгким разочарованием, разливается по прихожей – визит окончен.

Серёжа, закрывая за Леви входную дверь, провожает его своей пулемётной речевой очередью:

– Заходи ещё! Обязательно заходи! Музыкачку послушаем, а то и прогуляемся куда-нибудь, пройдемся по городу.

– Конечно! Обязательно приду! – посылает Леви свои слова уже с нижней площадки лестницы, стоя перед зарешеченной кабиной лифта. Старая коробка на железных тросах лениво и со скрипом спускает его вниз на первый этаж, который обдаёт Леви затхлым запахом старого здания, запахами дешёвой приготовляемой пищи, вырывающиеся сразу из нескольких квартир и смешивающийся на первом этаже с друг другом. Леви пытается задержать дыхание и идёт навстречу свету и чистой струйке воздуха, просачивающиеся через приоткрытую парадную дверь. Он рывком распахивает её, и оказывается окружённым стенами каменного серого колодца. Сверху зияет дыра, из которого смотрит такое же серое, как и стены домов, небо, из рваных щелей которого струится золотистая лазурь, которая подобно драгоценному сокровищу скрывается за тучами. Леви глубоко и облегчённо вдыхает этот свежий, благодатный воздух улицы:

– Слава Б-гу! Важный визит дня завершён! Хранит их всех Г-дь!

## 7 Февраля. Манчестер

Леви проснулся, и сразу одновременно ощутил себя на корабле в железном сейфе и во времени близкому к шести, времени подъёма. Нашупав рукой выключатель на стенке сейфа, нажал. Заклокотал, заморгал и разгорелся белый неоновый свет.

– Благодарю Тебя за то, что Ты по Великой милости Своей возвратил душу мою мне. Велико Твоё доверие ко мне, – зашептал Леви, ощущая себя живым и сознавая, что ему подарен новый день. Так он и начался новый день: седьмой день февраля.

Каюта-сейф такая маленькая, без окон, что не было и речи о том, чтобы хоть как-то отжаться и взбодрить зарядкой полупроснувшееся тело. Душ же принять было возможно, и Леви использовал эту возможность максимально, наслаждаясь сначала горячими, а потом холодными струями воды. Быстро оделся и вышел наверх, в кают-компанию, пока сокаютники ещё спали. Больше он их так и не видел. Бархатная тьма окутывала судно. Леви постоял у зачехлённого столика, попросил, прошептавши пожелание хорошего дня, хорошей дороги. Закончил и оглянулся: магазинчики уже светились лампами и вялым движением персонала и клиентов, пытаясь до прибытия в порт ещё побольше продать своих товаров. Леви подошёл к голландскоговорящей рецепционистке и поинтересовался на её языке:

– Госпожа, извините, когда прибываем?

– Уже подошли, – ответила госпожа – надо дождаться иммиграционных властей. Скоро должны приехать. Власти и вправду не заставили себя ждать, пока Леви сидел в детской комнате и смотрел на сладенькую историю о любви коричневой Покахонтас. Прозвучал сигнал, и голос на четырёх языках пригласил пройти на палубу к своим машинам.

По такому же крутому и извилистому съезду, как при заезде, Леви выехал вместе с другими автомобилистами на широкий причал и встал в один из рядов. Эти ряды выстроились на большой площадке в ожидании въезда в эту островную страну под названием Великобритания – Great Britain.

Загудели двигатели и движение началось. У ворот выезда стояли люди в куртках с жёлтыми светоотражающими полосами. Возле них нужно было притормозить и показать паспорт, чтобы можно было выехать за пределы порта. Вот запетляла антрацитная лента скоростной дороги – Motor way – между невысокими, но благородными горами. Справа, то и дело, проглядывало серое, окутанное светло серыми мехами-туманами беспокойное море. Понять о частых туманах можно было и по специальным табличкам, расположенными посередине дороги. В их чёрных рамках горели лампочки, составленные в трёхбуквенное слово “FOG”. Ещё очень долгое расстояние, почти до самого Манчестера, Леви сопровождали эти “FOG”. Дорога была совсем непутанная, она напрямик тянулась до Лееда, а через него и на Манчестер. От порта каких-то сто восемьдесят километров. Ерунда, по европейским меркам. Вот и съезд и магистраль и сразу нужный район – Салфорд. Это хороший знак. Но, как же найти теперь нужную улицу Брун-лейн, ведь ни карты, ни навигации нет. Леви заглядывает в словарь: брум – метла, лейн – дорожка. Надо, значит, искать “дорожку”. Только, чтобы слишком долго не искать, лучше спросить, решает Леви и заходит в первый попавшийся большой магазин со своей парковкой и вывеской на крыше “Копи”. В подвальном помещении клиентов мало. За кассой сидят носатые женщины в париках. Леви показывает им бумажку с адресом.

– Всё прямо и прямо, а у магазина Нетто налево, а там ещё раз налево – найдёте или спросите снова, – инструктируют женщины.

Улица Ланкастера многократно поднималась и опускалась, поднимая и опуская Леви, покачивая его в его машинке. Ему пришлось неоднократно спрашивать прохожих, чтобы понять на каком же повороте будет эта “Метёлочная тропинка”. Вот и нужный номер. Мез-

уза на косяке двери. Леви нажал кнопку звонка. Невысокая, круглая, как бочонок, женщина с соломенного цвета париком на голове отворила дверь:

– Кто Вы?

– Здравствуйте, моя фамилия Таубе, – сказал Леви, – мы с Вашим супругом договорились о моём приезде по телефону перед прошедшим Шаббатом.

– А-а. Сейчас мужа нет дома, – женщина собралась закрыть дверь.

– А когда он вернётся?

– Через час, – женщина на мгновение призадумалась – Таубе, Таубе... Ага! Да входите же внутрь. Вы ведь, действительно, договорились.

Леви вошёл в дом. Обычный домик. Немаленький, но мог бы быть и побольше. Женщина смешно суетилась:

– Идите за мной.

Она, часто дыша, поднималась по достаточно крутой лестнице, обитой ковровой дорожкой.

– Вот, Ваша комнатка, – открыла она дверь в небольшую, но светлую кабинку.

– Всё ведь не железный сейф, – подумал Леви, а вслух сказал:

– Fine. Very lovely.

Женщина вышла, а Леви разложил свои вещи на постели и спустился за ней вслед на кухню. В окно кухни он увидел въезжающую большую девятьсотсороковую Вольво, вагон. Из неё вышел и вошёл в дом бородатый мужчина в шляпе и очках. Он протянул руку Леви, а он – ему, и они пожали их друг другу, одновременно представившись.

– Я ему ключи от дома уже дала, – протараторила женщина в соломенном парике.

– Хорошо, хорошо, – только и приговаривал её муж.

Ещё немного постояв, все вместе сели за стол. Взяли и съели по куску хлеба, помазав его какой-то жёлтенькой пастой из банки с большой печатью и надписью “Кошер”. После такой коротенькой трапезы все вместе стали читать “Благодарение за пищу и за землю”, а закончив произнесли дружно и хором “Амень ве Амень” – да будет так. Произнесли “Амень” и все, как по волшебству исчезли. Господин Лайтнер побежал на свою работу, а госпожа вернулась к своему бесконечному хозяйству. Леви, уставшего с дороги, предоставили самому себе. Но, как же сидеть-то на месте и терять время, когда вокруг всё так захватывающе и интересно?!

Ради хронологии и справедливости надо упомянуть, что перед минитрапезой отвёз господин Лайтнер Леви в ближайшую ешиву, где они с множеством юношей-студентов молились послеобеденную молитву Минха.

Здание ешивы было похоже на дворец, и оно поразило воображение Леви, как, впрочем, и прохождение службы. При входе в здание ешивы, на окнах правого и левого флигеля, гроздьями висели белые сохнувшие рубашки. Леви до этого дня никогда не был в таком огромном помещении, битком заполненным юношами в чёрных костюмах и шляпах, в белоснежных рубашках. Все раскачивались в такт молитве и хором повторяли: “Барух – Благословен” и “Амень, амень”. Впечатление от этого действия было куда сильнее, чем от вида учеников-волшебников в чёрных колпаках при школе в книге про Гарри Поттера.

И вот, только после этого эпизода следовала жёлтенькая паста-смазка для хлеба, после трапезы которой Леви был оставлен один.

– Пойду пройдусь. Проинспектирую эту ближайшую улицу, – подумал Леви, оделся, вышел за дверь и пошёл. Он шёл и шёл по этой подпрыгивающей вниз и вверх дороге, а никаких достопримечательностей ему всё не встречалось. Лишь несколько убогих еврейских магазинчиков да пара стаяк “пейсатиков” в лоснящихся комзолах, подобно вечерним теням, проплыли мимо. Встречались женщины в париках, толкающие большие коляски и тянущие за

собой одного, а то и двух-трёх детей. Леви двигался, словно притягиваемый невидимым магнитом, к центру города. Он уже полностью миновал улицу Ланкастер и упёрся в другую улицу. Повернул направо, прошагал ещё порядочное расстояние и, увидев высотные здания, повернул налево. Эта дорога вела сначала между гаражами, а потом вдоль очень-очень высокой стены и ещё более высокой башни. Снедаемый любопытством и желанием подтвердить свою догадку, Леви обратился к копошащимся у стены рабочим, занятым расщеплением дерева:

– Sorry, it's a prison?

– Yes, yes, it's prison, – согласно закивал рабочий мужичок в цветной каске.

– Ничего себе, тюрьма с таким огромным забором, что, наверное, в три раза больше, чем у питерских “Крестов”, – изумился размаху размеров строения Леви.

Проходя дальше по этой улице, Леви встретил пивоваренный завод. А помимо этого завода справа и слева – магазины, магазины, магазины с большими вывесками на дверях: “Для частной публики вход воспрещён. Только для оптовых торговцев”. Преодолев пешим ходом такое расстояние, Леви был вознаграждён – дорога стала интереснее. Вот старинный мост из чёрно-серых гранитных блоков, вот костёл, вот крепость, а вон там – небоскрёбы и сияющее огнями вдали Колесо обозрения.

– Это уже другое дело! – приободрился Леви. Его ноги получили второе дыхание и радостно понеслись вперёд навстречу новым впечатлениям и открытиям.

– А ведь ещё и обратно такой же путь проделать надо будет! – вмешивался на ходу, пытаясь притормозить ход ретивых ног, всегда такой рассудительно-прохладный разум. Но жажда новизны несла Леви всё вперёд и вперёд, без оглядки и мыслей о возвращении. Несмотря ни на усталость, ни длинную дорогу, город понравился Леви. Всё, что он раньше о нём слышал, так это только то, какой он серый, скучный, всегда дождливый.

– Будто сама Англия такая солнечная и радостная, – вставал на защиту Манчестера мысленно Леви, наслаждаясь новыми незнакомыми видами.

– Представьте себе, что Лондон – он солнечно-сияющий, пытался умозрительно сравнить он два города.

Леви гулял по Манчестеру, впитывая в себя атмосферу этих улиц и зданий. Когда-то бывал Леви и в Лондоне, и теперь, гуляя по Манчестеру, он мог бы назвать его младшим братом английской столицы, так в его глазах они были похожи.

Небо посерело, а потом и почернело. Звёзд из-за нависших скучившихся облаков не было видно. Но вот, зажглись неоновые лампы, осветив здания, улицы и всё действие вокруг вообще, превратив картинку города в ещё более привлекательную и интересную, чем она была днём. Над зданиями нависло медленно вращающееся Колесо обозрения, белоснежное и сияющее от множество зажжённых неоновых лампочек. Город не отпускал, хотелось испить, впитать встречу с ним как можно полнее, но свинцовая ночь накрыла небо, спина согнулась от усталости и Леви, к счастью запомнивший дорогу обратно по архитектурным ориентирам, заковылял к себе в Салфорд. Обратная дорога, как это зачастую бывает, оказалась короче и не подкосила уже измождённого ходьбой парня, который очнувшись от своих мыслей с удивлением стоял перед домом на Метёлочной тропе – Брум-Лайн – доме своего ночлега. Мистер Лайтнер уже ждал его. Он посадил его в машину и они поехали на соседнюю улицу в Дом Собрани- Бейт-Кнессет, чтобы вместе с другими людьми вновь раскачиваясь благодарить Хозяина Мироздания за всё и в том числе за хорошо пройденный и проведённый день. По возвращению на Метёлочную был горячий тыквенный супчик с подобием сухариков, таких мелких жёлтых подушечек, пережаренное мясо и картофель. Поднявшись в отведённую ему келью, Леви прилёг на топчанчик и нежно обволакивающий сон тотчас же забрал его с собой в своё непостижимое, немислимое путешествие.

## Миша Буров

Всё до боли знакомо, всё запылённо, законсервировано, как будто находишься в какой-то антикварной лавке старьевщика на окраине большого города: пропылённые с осыпающейся штукатуркой дома, пропылённые улочки с асфальтом в широких глубоких трещинах, пропылённые деревья, через пыль которой недолгим летом проглядывает тусклый изумруд матовых листьев. Ленинский район, теперь Адмиралтейский, а в древности вообще финская деревня, губерния. Леви движется в сторону дома по Рижскому, потом отклоняется от курса, желая отклониться от шума проезжающих машин, от суеты, ища тишины, сворачивая на одну из Красноармейских улиц. Ноги плывут по асфальту, а глаза по стенам, крышам старых домов. Всё знакомо, ностальгично, печально. Симфония в камне, реквием человеческой жизни, как цветку, сумевшему пробиться сквозь толщу асфальта, но никогда не сумевшему расцвести, распуститься, ставшему серым и, в конце концов зачехнувшему.

По левую руку, по направлению к дому Леви, его глаза встречаются со знакомыми окнами. В окнах горит приглушённый свет. Окна большие, но немые, занавески за стёклами выгоревшие, смятые. Чьи эти окна?

В голове всплывают воспоминания бурных веселых празднеств. Миша Буров! Да, там жил Миша Буров со своей женой Ириной. У них, вроде была дочь, но их обоих или от прежней связи самой Ирины, неизвестно. Ирина – еврейка по происхождению, деловая, бережливая и терпеливая. У неё густые волосы, типичный еврейский нос по представлению окружающих, чувственные пухлые губы. Симпатичная, обаятельная женщина. Представляется, что, как и в большинстве таких браков, тому, что имел Миша, он должен был быть благодарен своей жене. Она была настоящей умницей.

1981 год. Заснеженный Питер. Снега по колено и по грудь. В то время, когда на двадцать советских семей во дворе стояли одни Жигули или старенький Москвич, у Миши был микроавтобус из Японии, блестящий, с правым рулём. Миша, как ребёнок радовался своей машинке.

– Поедем в ресторан, – предложил он Леви.

Мише удавалось почти каждый вечер проводить в ресторанах, несмотря, что стоимость одного обеда там, равнялась стоимости средней месячной зарплаты. Иметь связи с иностранными гражданами вне государственных было запрещено законом, но те кто на них отваживался и имел торговые сделки, покупал-продавал, наживал неплохие барыши, мог позволить себе и каждодневный обед в ресторане и блестящий автобусик неотечественного производства.

Ресторан, куда они отправились всей кампанией, находился недалеко за городом. Его громадный зал был почти полностью наполнен праздными людьми. Было нестерпимо шумно и душно. Помнилось, что весь вечер на сцене выступали цыгане. Они пели, танцевали. Посетители же пили, ели и снова пили. Миша поднимал руку с оттопыренным локтём и отведённым в сторону мизинцем и вливал стопку за стопкой прозрачную жидкость в свои несгораемые внутренности.

– Уже поздно. Может быть, поедем обратно домой?

Миша не спорил, и около двух-трёх часов ночи они, к счастью, покинули этот загородный ресторан.

Миша невысокого роста, с тёмной густой бородой, постоянно шутит и много говорит. Милый балагур. Говорит ртом и всеми десятью пальцами. Он здорово оправдывает своё имя так как и, вправду, похож на бурого мишку.

Терпение жены Миши – ангельское. Она не только выносила нескончаемые попойки благоверного, но и его слабость к женскому полу, о котором она, конечно же, не могла не знать.

Миша, используя своё обаяние, заговаривает с понравившейся женщиной на улице, осыпает её комплиментами, сулит всяческие блага. Неизбалованные мужским вниманием и галантностью российские женщины рисуют себе различные фантазии насчёт возможного развития “серьёзных отношений”, верят Мише, клюют на его посулы и идут в гости. Эти “гости” происходят у него дома, если, конечно же супруга отсутствует, но чаще в дешёвой гостинице, где можно снять номер без предъявления документов и всего лишь на “часик”. Первое импровизированное свидание проходит с нехитрой закуской и выпивкой. Видимо, из-за частой смены партнёров и постоянной алкоголизации, Миша не может удовлетвориться, как обычный мужчина, и принуждает женщину к извращению. Женщина колеблется, не хочет, немного сопротивляется, ей больно и она кричит. Миша настаивает. Леви невольно стал свидетелем таких сцен, когда заходил к Мише, как к соседу и по каким-то незначительным коммерческим вопросам. Миша или не имел стеснения или со временем от безнаказанности потерял его. Не желая быть и дальше зрителем этих неуместных сцен, Леви говорил: “Миша, мне нужно идти” и просто захлопывал за собой дверь.

Как-то один некий приятель Леви со смешным прозвищем Енот, здоровенный добродушный верзила и такой же кутила, как Миша, на его вопрос, слышал ли он что-либо о нашем общем знакомом, рассказал:

– Знаешь. Сейчас Миша немного оклемался. До этого, вообще, на каталке ездил, а Ира его из ложки кормила.

– Что же с ним случилось?!

– Да, ты же знаешь Мишу – невозмутимо продолжал своё повествование знакомый – поднял каких-то тёлочек, посидел с ними в кафе, они там выпили и плеснули ему в стакан клафелина. Слава Б-гу, что он вообще очнулся. Правда с пробитой башкой и пустыми карманами. А деньги на том момент у него, по слухам, были небольшие. До сих пор его Ирина за ручку как дедушку водит и он – “там помню, там не помню”.

Леви проходит мимо этого старого серого прокопчённого дома с осыпающейся штукатуркой, из-за мутных стёкол, которых пробивается тусклый свет и, как бы слышит крик обольщённых, зазванных в “гости” девушек и женщин:

– Миша, не надо! Больно! Я не хочу! Пожалуйста, не надо!

## 8 Февраля 2005. Манчестер

Перед левиным носом стоял будильник с большими, светящимися, красными цифрами. Внутри самого Леви также находился будильник, позволяющий отличать день от ночи и помогающий вставать в задуманное время. Будильник непостижимый в своей простоте и мудрости.

Сквозь разорванный сон глядел Леви на будильник с красными глазами-цифрами, а он на него. И, когда превращение цифр 3,4,5 сменились шестью, Леви встал. Совершив быстро весь свой ритуал от омовения рук до зарядки тела и ледяного душа, Леви спустился вниз, в гостиную, и уже ждал хозяина дома, чтобы вместе с ним отправиться в Дом Учения для Благодарности и наложения тфилин, таких заповеданных коробочек на голову и руку с волшебными словами. Под дверью комнаты лежала записка, где не очень разборчиво, но всё же отчасти читаемо, уведомлялось, что мистер Лайтнер ушёл из дома раньше обычного и, что это утро Леви проведёт вместе с его сыном Рафаэлем, приехавшим погостить из Израиля.

Этим утром на повестке дня для участия в утренней молитве Шахарит стояла синагога белских хасидов. Громадное здание заполненное пейсатыми и боролатыми евреями в белых гольфах. Всё прошло отлажено, быстро и динамично. После Молитвенного дома все возвратились домой и после короткого ланча каждый отправился по своим делам. Леви же была вручена записка с адресами и рекомендательное письмо, чтобы он мог уже сейчас пойти и искать себе работу и жильё, поскольку собственных иждивенцев предостаточно. Инструкции выданы и Леви не мешкая направился по первому пункту списка Лайтнера. Господин Зальцман, Halperns Shop. Но перед этим надо было обязательно посетить господина Вилкина в Агуде офисе, а по-простому в СОбесе. Улочки, улочки. Дома и домишки. Дома роскошные и обветшалые, большинство с мезузами на дверях. Вон нужный номер- Агуда офис. Дверь закрыта. Общение через интерком – “кто-куда-откуда”. Ясно. Заходите.

– У Вас нет апойтмента – встречи?! Тогда сидите и ждите!

Леви сидит и ждёт. Пейсато-кофтаный мистер Вилкин продолжает растолковывать маленькой женщине, одетой в большое не по размеру пальто, в очках с толстыми стёклами на лице, в съехавшем на бок парике, премудрости какой-то там компьютерной программы в классной комнате. Проходит больше получаса. Раздаётся звонок в дверь. Внутрь протискивается цилиндр, рыжая борода, сюртучок:

– Здрасьте, я Вам звонил

– А, да, да, проходите, пожалуйста – указывает мистер Вилкин рукой, приглашая в свой кабинет, который находится напротив классной комнаты.

– Этот, – показывает котелок на меня, – пришёл “before” меня.

Before не before, а апойтмент есть апойтмент и надо ждать.

– Этот джентельмен – то есть Леви – подождёт, – бросает мистер Вилкин в его сторону и они оба удаляются в глубоком кабинете.

Так сидит Леви между двумя приоткрытыми дверями, из одной из которых выглядывает озадаченная мордочка в нахлобученном парике, таращаяся на экран компьютера, растерянно хлопая глазками. Из щели другой двери непрерывно шуршит заговорщицкий голос Рыжей бороды. Но вот Борода выпустил весь свой шорох и шелест и пригнувшись выскользнул из вагончика, солидно именуемого “офисом”.

Мистер Вилкин позвал Леви к себе в кабинет. На столе стояли несколько раскрытых ноутбуков марки IBM. В один из них занёс мистер Вилкин данные Леви для предстоящих курсов английского языка. Потом взял трубку, стал куда-то звонить:

– Ну вот. Есть Вам работёнка. У господина Зальцмана. Очень хороший человек. Его супермаркет на Ланкастер стрит. Сейчас он находится на послеполуденной молитве Минха, а после, в полтретьего, он ждёт Вас.

– Удачи – протянул мистер Вилкин свою руку в сторону Леви, и заспешил к своей обескураженной компьютерной ученице.

– Ну вот, – размышлял, выходя из вагончика-офиса Леви, – просидел полтора часа, чтобы быть направленным к тому же самому Зальцману. Похоже, что на весь Манчестер он единственный кто имеет вакансии и хоть какую-нибудь работу.

Вот он нужный магазинчик с нужной вывеской. Магазинчик, как магазинчик, не Пассаж, конечно, не супер опрятный, но и не совсем хлев. Бакалея и гастрономия, парфюмерия и галантерея мультикультурно и дружно были перемешаны на всех полках. Между полками озабоченно и напряжённо сновали парики и кипы, стремясь поскорее наполнить свои корзины и мешки покупками-поклажей. Когда в назначенное для “апойтмента” время, ни через десять ни через пятнадцать минут, мистер, соответствующий описанию мистера Зальцмана, не появился, Леви обратился с вопросом к проходившей мимо женщине:

– Извините, Вы не знаете, господин Зальцман на своём месте?

– Минуточку, – ответила женщина, прекратила раскладывать товары по полкам и закабалась по крутой лестнице куда-то наверх.

После этого за Леви пришли и он тоже должен был карабкаться по этой лестнице и долго ждать в отдельной маленькой комнатке этого приёма “всей его жизни”, пока наконец в проёме двери не соизволил материализоваться сам Зальцман, который отвёл его к себе в кабинет и усадил в потрёпанное кресло:

– Вы хотите у меня работать? Кто Вы и откуда? – начал свой допрос с пристрастием господин Зальцман.

Леви достал сопроводительное письмо от господина Миши Лайтнера.

– Очень хорошее письмо. Очень. Можно я копию сделаю?

Леви согласно кивнул:

– Делайте.

После моего одобрения у господина Зальцмана началось оживление. Он встал и стал ходить туда-сюда, а когда закончил, вернулся с бумажкой обратно. Взял мобильный телефон и принялся куда-то напряжённо звонить, а потом передал трубку Леви:

– Это моя жена. Она из Бельгии. Поговорите с ней.

Легко догадаться, что господину работодателю хотелось одновременно проверить мою правдивость и знание нидерландского языка.

– О! Как я давно не говорила по-голландски, – защебетал в трубке голос женщины по имени Роза, – Откуда Вы и, как долго собираетесь у нас проработать?

– Знаете, госпожа Роза, моя задача подучить английский язык до приличного уровня, а чтобы покрывать расходы на жильё и питание, я готов заниматься каким-нибудь, пусть даже простым, неквалифицированным занятием. Если моя кандидатура вам подойдёт, сколько готовы вы будете мне платить?

В трубке на слово “платить”, что-то сразу булькнуло, голос Розы пожелал Леви всего наилучшего и попросил передать телефон её мужу.

– Ага, ага. Му-му, му-му, – беседовал со своей супругой мистер Зальцман, согласно покачивая головой, прикрытой крышечкой-кипой.

Потом он закончил содержательную тёплую беседу, задумчиво посмотрел на Леви и вновь отвёл слегка помутневший от впечатлений взгляд:

– Вы знаете, у нас сейчас “митинг-совещание”, мы, вот, все посоветуемся и Вам позвоним и сообщим о своём решении. У нас есть Ваш номер.

- Что же, советуйтесь, – подумал Леви, а на прощанье сказал:
- Хорошего дня. Ацлоха, Удачи!

С несколько отяжелённым сердцем Леви вышел на улицу, полностью наполнил лёгкие освежающим влажным воздухом и с силой выдохнул его вместе с воздухом этого замечательного магазинчика, его товаров, его владельцев и посетителей. Выдохнул и добродетельный воздух господина Зальцмана, которым посчастливилось вместе с ним дышать.

Скажем: ОК, как здесь говорят и, как стали говорить теперь все и везде. Теперь и этот пункт из дедушкиного листочка можно вычеркнуть. Занятия в этом районе были окончены и Леви пошёл в сторону своей Вольво, чтобы ещё раз отправится в центр города и внимательнее с ним познакомиться. Надо заметить, в самом районе Салфорд автомарка Вольво пользовалась небывалой популярностью – только на одной “Метёлочной тропинке” вдоль поребрика их стояло шесть или семь штук. Может быть, таким образом их набожные владельцы пытались выразить протест разбитому гитлеровскому Рейху, а теперь и шрёйдеровскому правительству, немецкой экономике, автопрому с их Мерседесами, БМВ. Может ближайший дилер Вольво был чей-то родственник, а, может, Вольво сама по себе хорошая, добротная машина. Несмотря на обилие шведских авто, за углом парковался немецкий люксовый болид – Порше Каррера 4X4. Чтобы скрасить его явное арийское происхождение, еврейский владелец раскошелился и... Приобрёл необычные регистрационные знаки с надписью “Машиах” – Спаситель. Кто знает, может веками ожидаемый мессия-машиах и вправду должен прийти из варварской Германии.

Леви проехал мимо невиданно высокой стены местной тюрьмы, завернул на улочку между пивоваренным заводом и мойкой для машин, остановился.

– Вот и славненько. Отсюда центр уже недалеко и стоянка без поборов и надзирателей. Леви закрыл на ключ дверь своего верного автомобильчика и зашагал по направлению центра.

Второй день знакомства с городом-монстром состоялся в более светлое время суток, нежели в прошлый раз. Это прогулка вновь увлекла Леви- и он всё шёл и шёл опять по широким улицам и через зелёные скверы, украшенные памятниками неизвестных знаменитостей, шёл, получая свою обильную порцию этого города, живущих и живших здесь людей, этих каменных зданий, этих задумчивых, молчаливых, уже немолодых деревьев.

Получив эту дневную долю и насытившись, Леви повернул обратно к своей машине. В листочке-списке, данном женой хозяина дома, одним из оставшихся пунктов было указано, что надо заехать ещё к одному еврею по имени Яэль, работнику или владельцу булочной, который интересовался его автомобилем.

Леви притормозил перед булочной, видя, что припарковаться совсем негде. Ему навстречу шли два негритёнка, одетые в муниципальную форму.

– Hallo, – позвал Леви их через приоткрытую форточку автомобиля – можно я здесь свою машину на пару минут припаркую?

– Делай, делай! – одобрительно закивали оба африканских хлопца, и проследовали дальше.

Леви вошёл в булочную.

– Здравствуйте! Меня послала госпожа Лайтнер. Она сказала, что кто-то здесь хотел, возможно, купить мою машину.

Как часто происходит в подобных историях, рыжий пейсатый толстячок, вылупил на меня и без того не в меру вылупленные глаза:

– Ой, я госпожи такой не знаю, машина мне не нужна, – неразборчиво месил он слова в своём рыхлом рте, как, вероятно, замешивает машина тесто для шаббатных хал и мягких булочек. Видя, что его мямленье не производит на Леви впечатления и он не уходит, толстячок как бы пробудился:

– А! Как же, как же! Конечно же! Машина! Пойдёмте скорее на неё посмотрим, – толстячок опрометью забежал куда-то и зачем-то в боковую подсобку, быстро вернулся и стоял уже рядом с Леви разглядывая его немытый вагон- Вольво В70.

– Можете капот открыть?

– Конечно же, можем.

Леви открыл капот. Дизельный двигатель мирно и мерно цокал своим механизмом. Пекарь Яэль стоял и смотрел на дребезжащий стальной агрегат. Что надеялся он там увидеть, этот еврейский булочник?! Замешивающееся тесто, халы на шаббес или, может, торт со взбитыми сливками? Закрывающаяся крышка капота оглушительно хлопнула и впечатлившийся Яэль заглянул внутрь салона:

– О, электрические стеклоподъёмники! – воскликнул поражённый он, – а третье сиденье у Вас есть?

– Нет, третьего сиденья у меня нет, – господин Яэль, – терпеливо отвечал Леви, – но его монтаж предусмотрен и, если Вам хочется, Вы можете его приобрести и установить.

Рыжий протянул свою тепло-влажную липковатую ладонь, Леви пожал её, вызвав автоматическую улыбку рыжего, который торжественно и чувственно произнёс:

– Я очень, очень заинтересован в этом автомобиле. Обязательно, сегодня же позвоню Вам.

Он так никогда и не позвонил, и больше Леви ничего об этом рыжем пекаре не слышал.

Леви вернулся в дом своего ночлега, пришёл хозяин Миха и они вдвоём, как уже завелось, сели в большой вагон Вольво 940, захав за угол, припарковались, и пошли в Дом Учения – Бейт Мидраш. После возвращения с молитвы, был неизменный оранжево-коричневый супчик с мизерными подушечками из теста и жаренное мясо. После трапезы, Леви поднялся к себе, помылся, почитал учебник английского языка и крепко заснул. Незаметно всё тело погрузилось в состояние “Stand by”, а часть души подключилась к каким-то никому неизвестным уровням Небес. Для подзарядки. Sleep sweet.

## Валера Люстик

Ноги неспешно бредут по изборождённому глубокими старческими морщинами асфальту, впитывая его пыль и неизбывную грусть. Улица Курляндская. Институт Авиаприборостроения, из социалистического прошлого стоит слегка возвышаясь над закопчёнными домами с коммунальными квартирами, в которых живут по много семей, стараясь с миром делить одну уборную, одну кухню, иногда одну плиту – по конфорке на семью. Не доходя до школы 271, где Леви когда-то и сколько-то учился, он решает завернуть на Дерптский переулок, чтобы пройдя через него попасть на проспект, теперь называемый Рижским. В конце проспекта виднеются ершистые воды Фонтанки: рядом Финский залив и его приливы и отливы с Северным ветром влияют на настроение реки. Бывает, что осенью это настроение таково, что воды выходят из берегов и идут гулять по набережной, разливаясь всё дальше и дальше по прилегающим улицам и площадям. На повороте ноги поворачивают налево, на Рижский проспект. Когда-то посередине него лежали трамвайные рельсы, те рельсы, на которых оставил свою пятилетнюю руку мальчик по имени Юра. По рельсам ходил трамвай, мерно постукивая и позвякивая уже с пяти утра. Пришла новая власть и руководитель города приказала убрать рельсы, перепродав их на переработку, как старый металл, а альтернативой передвижения стали “маршрутные такси”, а их владельцем какой-то её родственник или приятель.

Леви движется по правой стороне проспекта, видимо, по привычке оставшейся со школы, со школы номер 278, в которой он учился и из неё ребёнком возвращался домой. Идя по этой стороне заглядывает он на окна второго этажа розового невысокого дома, по другую сторону улицы. Та другая её часть имеет чётные номера, тридцатые числа. Когда-то из целого ряда этих окон, почти целого этажа теплился уютный гостеприимный свет. В этой квартире жила дружная семья Люстиков – мать, отец, сын и младшая дочь. Валера Люстик был 1963 года рождения и старше Леви, но, тем не менее, им удалось как-то познакомиться и поддерживать приятельские отношения. Леви охотно заходил к Валере в гости. Ему никогда не отказывали в приёме, но и относились безразлично, ведь пользы от него никакой не было. У Валеры всегда был полный дом различных людей, гостей разнообразных и интересных. Он с ними заключал какие-то свои сделки, а они ещё и друг с другом. Квартира эта была полна деловой жизнью. Сестра у Валеры – симпатичная милая девушка с полными влажными губками. Леви сказал Валере, что ему очень нравится его сестра.

– Ты знаешь, – с небольшим снобизмом и взрослой обстоятельностью, затянул Валера, – у нашей семьи на неё свои планы. Мы хотим выдать её замуж за богатого еврея из Венгрии.

Ну, что ж, из Венгрии, так из Венгрии. Леви не мог ничего предложить этой симпатичной девушке – ни богатства, ни положения. Конечно же Валера прав.

Так случилось, что с 1983 года Леви не видел больше Валеры долгих шесть лет, а когда появился вновь в Ленинграде, то не заходил к нему, поскольку поведать особо чего ему не было. Но время шло, Леви понемногу вставал на ноги, стал неплохо зарабатывать. Во время прогулки по проспекту, свернул в знакомую парадную, поднялся на второй этаж, нажал кнопку звонка.

– Кто там? – незнакомый голос за дверью. Леви представился.

Дверь отворилась, и открывший дверь сразу скрылся в комнатах. Леви вошёл. Множество модно разодетых парней важно беседуют, переговариваются. Среди них ещё больше пополневший Валера, в полосатой рубашке, румяный с короткой мягкой бородой на лице.

– О, Леви! Привет! Как дела?

– Слава Б-гу! Всё хорошо. Как у тебя?

– Тоже отлично, дружище. Ты здесь присаживайся, если хочешь, а я должен о делах с ребятами поговорить.

Валера отошёл в сторону и говорил, говорил, говорил. А Леви сидел. Но сидел он недолго, поскольку понял, что гнать его никто не будет, но и развлекать тоже нет, поскольку он здесь никому не нужен и, справедливо, не интересен.

– Спасибо за гостеприимство. Ну, я пойду, – направился Леви к дверям.

– А, ну будь здоров, – полубезразлично прозвучал ответ, – заходи как-нибудь ещё.

“Заходи” прозвучало как формальное приглашение и Леви, действительно, зашёл. Не сразу, не на следующей неделе, может, через полгода, а может и через год. Дверь открывали не так быстро, как в прошлый раз, всё расспрашивали кто да откуда. Когда впустили внутрь, лично проводили в гостиную, где сидело несколько человек и среди них понурый Валера. Румянец пропал со щёк, на лицо легла глубокая печаль и безнадёжность.

– А, это ты, Леви. Привет.

– Привет, Валера. Как дела?

– Ты знаешь, скверно.

Валера не стал ничего таить и скрывать, а совершенно простодушным упавшим тоном рассказал:

– В один из вечеров позвонили во входную дверь. Вошли два мужика в масках, вооружённые пистолетами, приказали всем лечь на пол и после этого забрали из стола деньги и, не попрощавшись, ушли. Серьёзные ребята. Хорошо, что все живы остались, – уныло добавил он.

– Сколько денег у тебя забрали, Валера? – спросил я, что бы не молчать и хоть что-то спросить.

– Больше ста тысяч рублей. Деньги эти не мои. Это деньги тех людей, которые заходили ко мне в гости и оставляли их на хранение. Беда в том, что эти люди зная об этой моей беде, тем не менее требуют их с меня и требуют очень жёстко.

Сто тысяч! Какая невероятно колоссальная сумма, ужаснулся про себя Леви. Сто тысяч, когда средняя зарплата по стране составляет лишь сто рублей в месяц! И все эти люди, зачем они оставляли свои деньги у Валеры? Чтобы потом кто-то из них мог сделать “наводку”, привести своих приятелей и потом ограбить его, чтобы затем требовать всё обратно. Вот такие деловые отношения и такие деловые партнёры, не приведи Г-дь.

Моросит холодный дождик. Леви вспоминает, как он также шёл по этому тротуару и также моросил холодный дождик, но он специально распахнул свою куртку, чтобы все видели его час назад в первый раз повязанный красный галстук. Холодно и гордо. Концы галстука трепещут от радости, играя с ветром. Вот одноэтажное здание больницы имени Луи Пастера. Семилетнему Леви здесь спасли жизнь, когда у него обнаружили гнойный аппендицит. Он тогда очень не хотел, чтобы его усыпляли, устроил на операционном столе драку и всё кричал – “фашисты, фашисты”.

Вот “Бароновский” дом, напротив которого стояли два пивных ларька и длинная очередь из мужиков, которые сдували пену с кружек, разбавляли пиво водкой, а потом матерились, мочились, дрались, валялись. Ларьков этих давно нет, но запах смеси пива и мочи, кажется, поселился здесь навечно.

Сколько же он не видел с того трагического момента Валеру? Не видел он его больше никогда. Только пара телефонных разговоров была у него с ним. Зачем? Наверное, низачем. Ностальгия, когда люди пытаются заглянуть и возвратиться в своё прошлое.

– Как твои дела, Валера? Ты живёшь всё там же? – задаю я вопросы на другом конце провода из нидерландской земли.

– Разве ты не знаешь? Я теперь живу в Ужгороде и пытаюсь зарабатывать, как таможенный брокер.

– Почему?  
– Да потому! Потому, что мою квартиру заставили продать!  
– Такая хорошая квартира, в удачном месте. Да ты, вроде, не нуждался.  
– Почему, почему! – раздражается Валера. Воспоминания для него, видимо, очень болезненны и мучительны. – Отвезли меня в лес, подвесили вниз головой, как Буратино, и заставили документы подписать. Квартиры у меня теперь нет, живу в Ужгороде.

Морось сыплет с неба, прибывая к земле, кажется вечную, неумолимую питерскую пыль. Дышится свежее, легче. Окна бывшей квартиры Люстикова давно остались позади, а его немного наивное полное лицо всё ещё маячит передо мной. Есть у человека созвездия и предназначение или нет?

1981 год. Гостиница «Советская». Счастливый Валера Люстик – обладатель двух тёплых курток с капюшонами, которые он только что приобрёл у финских туристов. В стране, где только две фабрики пошива одежды, фабрика имени Володарского и “Большевичка”, можно продать эти трофеи с большой прибылью. К Валере подходит разбитной парень по прозвищу Овца и берёт у Валеры эти два мешка под каким-то предлогом. Деньги он ему не даёт, а с угрозами отсылает прочь. Валера не может ничего поделать и уходит ограбленный с непроходимым разочарованием и горечью, которые, оказалось, должен будет нести всю свою жизнь.

Помимо лица Валеры всплывает ещё одно лицо, не такое румяное и наивное, как у Люстика – лицо некоего Вити Чингина, которой также любил сживать и беспричинно засиживаться у Валеры, здорового парня-чемпиона по борьбе. Наш мир такой маленький и планета такая маленькая. Встретил Леви его, на удивление, в Амстердаме. У Вити жена была еврейкой, а её братья жили в Нидерландах. Вид на жительство всем им предоставили очень быстро и без каких-либо ограничений на основании того, что их брата Борю Фастовского похитили в Ленинграде и требовали за него выкуп. Тогда его отпустили и написали об этой истории в газетах. С этими газетами Боря приехал в Голландию, притянув к своим перипетиям антисемитские мотивы. Он и все за ним приехавшие родственники и приятели, также воспользовались этими газетами и этими мотивами, зажили безбедно и припеваючи. Позже Леви узнал, что случилась чудовищная трагедия: из одной из амстердамских башен, где находился офис Бориса, его похитили. Похитители требовали выкуп в миллион гульденов, но по каким-то причинам выкупа им не дали и Борис навсегда пропал. Узнать о его судьбе не помогла его матери ни полиция, ни экстрасенсы, ни деньги. Виктор Чингин со своей супругой отсидели небольшой срок в следственном изоляторе по подозрению в соучастии в похищении, но за недоказанностью были отпущены на свободу. Через какое-то время, по слухам, они развелись, но ещё долго судились друг с другом из-за общих или чужих денег.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.